

18+ Константин Костерин

МОЯ ЖИЗНЬ

ПРИ СОВЕТАХ

Константин Костерин

Моя жизнь при советах и без

«Издательские решения»

Костерин К.

Моя жизнь при советах и без / К. Костерин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597087-9

«Моя жизнь при советах и без» — автобиографическое произведение. Сюжет книги сосредоточен вокруг жизни главного героя, личность и судьба которого раскрываются на фоне реальных событий, произошедших в его жизни. Это и служба в армии, и трудовые будни, и эпизоды из личной жизни, и многие другие интересные истории. Особый акцент сделан на том, как изменилась жизнь рассказчика, да и страны, после прихода к власти М.С.Горбачева в 1985 году. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-00-597087-9

© Костерин К.
© Издательские решения

Содержание

МОЯ ЖИЗНЬ ПРИ СОВЕТАХ И БЕЗ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Моя жизнь при советах и без

Константин Костерин

Корректор Элла Константиновна Садикова

© Константин Костерин, 2023

ISBN 978-5-0059-7087-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЯ ЖИЗНЬ ПРИ СОВЕТАХ И БЕЗ

В конце июня 1965 года я получил повестку из военкомата о призыве на военную службу. Для меня это было, как удар обухом по голове: до осеннего призыва оставалось почти полгода, да и 19 лет мне исполнялось только осенью. Но оказывается, были ещё летние призывы, которые официально назывались «спецпризывами», а в простонародье – несчастными. Призывались новобранцы летом, а демобилизовались вместе со всеми осенью, то есть приходилось служить три с половиной года. С ума можно было сойти от такой перспективы!

Попал в танковую учебку в городе Бикин Хабаровского края. В ней учили на командиров танков и механиков—водителей. Я оказался в батальоне, где из нашего брата пытались сделать командиров. Порядки в этой учебке были серьёзные: мы должны были приветствовать не только офицеров, но и сержантов: за три метра до встречи перейти на строевой шаг и отдать честь.

В нашем учебном батальоне был офицер—фронтовик. На всю жизнь я запомнил его – майор Якушев. Гонял он нас как сидоровых коз. Сердце уже останавливается, а он все «вперед, вперед». От него мы узнали, что на войне командира танка хватало на три атаки, а водители жили подольше. Я хотел спросить его: «А как Вы уцелели?», но постеснялся. Уже после экзаменов он нам говорил: «Вы, ребята, на меня не обижайтесь. Я же для вас старался, чтобы вас, в случае какой заварухи, не убили бы в первый же день».

Экзамены я сдал хорошо и получил звание младшего сержанта и право быть командиром танка. Каждый день приезжали, как тогда говорили, покупатели и развозили нашего брата по танковым войскам всего Дальневосточного округа. А чтобы оставшиеся не скучали без дела, нас гоняли на всякие хозяйственные работы.

Удивительно: для декабря было очень тепло и бесснежно. Наше отделение послали разгружать автомашины с военным обмундированием. Таскаем мы тюки на склад, и вдруг командир отделения говорит: «Вот эта да! Это же тонкие телогрейки, их офицеры, когда очень холодно, под шинель надевают. Стоящая вещь!» Мы это поняли как призыв к действию и несколько упаковок забросили в траву, благо, она была по пояс. После ужина пошли за добычей. Вокруг этого ангара кое-где горели тусклые фонари. Подлезли мы под забор и на полусогнутых подошли к тюкам с телогрейками. И вдруг видим, что на свет фонаря выходит часовой. Откуда? Днём мы не видели ни одного часового. Позже я узнал, что на такие объекты охрану выставляли только на ночь. Упали ничком на землю. Лежим. Часовой остановился. Лязгнул металл – передернул затвор. Конец! Сейчас посечет, как капусту. Часовой был скорее всего салага – из осеннего призыва. А у каждого салаги самая вожаделенная мечта – хоть на денек оказаться дома. А если бы он уложил троих расхитителей военного имущества, то к отпуску приложился бы если не орден, то медаль точно. А здесь был дан такой шанс. Часовой, я думаю, был славянином. Его стали одолевать сомнения: а вдруг показалось, после стрельбы автомат замучаешься чистить, да и от старшины влетит. Был бы на его месте парень с Кавказа, тот однозначно нажал бы на курок. Лежим. Как будто ушел. Но не слышно, чтобы он разрядил автомат. Уже потом я узнал, что это довольно частый случай, когда патрон забывают в стволе, и автомат стреляет самопроизвольно в самых непредвиденных случаях. Наконец решились. Выползли с этими тюками за забор, притащили их в казарму. Набежали сержанты со всего батальона: «Вот это вещь! Молодцы, парни!» Взводный хохмач и тут остался верен себе. «Слушим Советскому Союзу», – откозырял он.

А мне было не до шуток. У меня уши набухли, как большие вареники, и стали красными, как свекла. Ведь были на волосок от смерти. Но больше всего меня убивала одна мысль: «Что было бы с отцом, получи он извещение о том, что его сын убит при попытке хищения социа-

листической собственности»? Уже четверть века, как умер отец, я стал стариком, но у меня до сих пор, когда вспоминаю этот случай, мурашки бегут по телу.

Сержанты «на ура» разобрали все телогрейки, а нам и не нужно было ничего.

Каждый день кто-нибудь из нас уезжал в линейную часть. Через несколько дней группа, в которую попал я, была отправлена в танковый полк, который стоял у села Троицкое на берегу озера Ханко. Всю ночь поездом Москва-Владивосток ехали на юг. Во время этой поездки мы обалдевали от забытой цивилизации. В Уссурийске пересели на другой поезд, который состоял из паровоза и одного вагона, и ближе к обеду высадились в снег, напротив небольшого сарайчика, на котором было начертано – Троицкое. А вокруг, куда ни посмотри, расстилалась снежная пустыня.

Потоптавшись минут двадцать в снегу, сопровождающий нас капитан сказал: «Не дождемся мы машины, пошли пешком». Дорога была отсыпана крупным щебнем, брел я по ней и думал: «Здесь мне надо прожить три года». От этой мысли с ума можно было сойти. Наконец на горизонте замаячили какие-то строения, и где-то через полчаса мы подошли к КПП на территорию части. «Прямо, – показал капитан на большое трехэтажное здание, – казарма, налево – столовая, а за ней – клуб. А мы идем в штаб». В нем нас раскидали по ротам. Нашел я свою – седьмую, представился – так, мол, и так – и был назначен командиром танка Т-55 А за номером 576. Командир роты – капитан – был с Западной Украины. На все случаи жизни у него была одна поговорка: «Не надо крови!», которая произносилась с разной интонацией.

В первое время было очень тоскливо, да и старики с фазанами подтрунивали над нами (фазан – это солдат второго года службы). Шуточки были типа: «Тебе еще три года это делать, лучше возьми веревку и повесься». Песни, которые распевали под гитару, в основном были унылые: «Минул уж третий год, а сердце старое ничто не ждет. О, как устали мы, о, как составились! Нет больше юности в моей груди. Ты собирайся, на зарядку выходи, у вас еще три года впереди». Тоска! Ни к чему руки не лежали. Особенно было обидно, что мы уже отслужили полгода, столько уже пройдено и видано, а по сути срок службы только пошел.

Но однажды я нечаянно услышал разговор обо мне: «Приехал сержантом, командиром танка, а ходит какой-то зачуханный». Это меня отрезвило. Все последующее время службы я всегда был отстиран, отглажен, каждый день пришивал чистый подворотничок, до блеска чистил сапоги и носил их немножко в гармошку, бляха всегда была отдраена асидолом. И понеслось: стрельбы днем, стрельбы ночью, вождение днем, вождение ночью, караульная служба, обслуживание техники, баня один раз в неделю, с заменой портянок и исподнего белья на чистое. И, конечно, любимое наше времяпрепровождение – политзанятия. Главное, сидишь в тепле. Тема на все годы и для всех одна. Нам втолковывали, что Москва – столица нашей родины, река Волга впадает в Каспийское море, и все остальное в этом же роде.

В начале марта наш полк подняли по тревоге на дивизионные учения. Целую неделю мы бороздили сопки и пади Приморья. Там я впервые понял, насколько живуч человек. Весь день атакуешь, отступаешь, окружаешь – это все понятно. А вот где спать ночью – этот вопрос почему-то начальство не волновал. Кто-то спал внутри танка, прижавшись к котлу подогрева охлаждающей жидкости; другие на жалюзийной решетке над двигателем, натянув на себя сверху брезент. А в БТР бедалаг набивалось, как селедок в бочку. Хотя нас под роспись предупреждали, что этого делать нельзя, так как было много случаев отравления угарным газом от постоянно работающих бензиновых двигателей. В общем, кто во что горазд. Кстати, Т-55 А под броней имел стомиллиметровую противорадиационную защиту, которая состояла из смеси свинца и резины, поэтому он был более пригоден для ночлега, чем другие.

К середине мая наш полк был полностью укомплектован новыми танками Т-62. Пушка была у него, как телеграфный столб. Новые танки заняли подходящие им места в ангарах, а старые выгнали в чистое поле, и они дожидались отправки, по слухам, на Сахалин. Эта вре-

менная стоянка усиленно охранялась. Караулы состояли из сержантов, в основном командиров танков.

В тот день, когда мне выпало заступить в караул, стояла теплая майская погода. Около трёх часа ночи я принял пост. Походил немного вдоль строя машин, и что-то меня угораздило немного полежать. Запрыгнул на крышу моторного отсека, лег и уснул. И вдруг меня как током шарахнуло! Скатился на землю, вскочил и для очистки совести прокричал в темноту: «Стой! Кто идет?» Неожиданно из темноты донеслось: «Начальник караула с проверяющим и сменным часовым». Я совсем проснулся. «Начальник караула ко мне, остальным оставаться на месте», – заорал я во всю глотку. Подошел начальник караула, а дальше как положено: я сдал пост, новый часовой его принял. «Молодец! – сказал проверяющий. – Благодарю за службу». Я постеснялся ответить: «Служу Советскому Союзу». Еще пара минут – и они могли застать меня спящим, а еще хуже, если бы начали искать. В любом случае мне грозило десять суток гауптвахты и разжалование в рядовые. Но это были бы цветочки, а ягодки заключались в том, что этот случай направил бы мою жизнь совсем по другому руслу. Спасибо моему ангелу-хранителю.

Ротные заместители по технической части знакомили нас с новыми машинами. У нового танка пушка была гладкоствольная, и тѐ было гораздо легче чистить, чем нарезную у Т-55.

Возможно, я и прослужил бы все время в танковых войсках, если бы в начале лета 1966 года не произошло событие, предопределившее всю мою дальнейшую жизнь: я был переведен во вновь создаваемое подразделение. Не знаю, чем руководствовало начальство, но нас повыдергивали со всей дивизии. Офицеры, которые принимали нас, были с погонами артиллеристов. Наконец нам объявили, что в войска стала поступать зенитно-самоходная установка «Шилка», стратегическая задача которой заключалась в сопровождении на марше танковой колонны.

Танк Т-55

Танк Т-62

Мои первые учения. Март 1966 г. Приморье.

Зенитно-самоходная установка «Шилка»

«Экипаж машины боевой».

Сидим: я – начальник РПК/оператор поиска. Справа: Рыскул Кадыров – механик-водитель. Стоит: Анатолий Хильченко – оператор дальности, парень с Западной Украины. Первые год – полтора ярый бендеровец. А при расставании мы с ним еле сдерживали слезы. «Москали такие же, как и мы», – говорил он. На снимке отсутствует командир установки ЗСУ «Шилка», лейтенант Богук – шахтер с Донбасса.

Мы поехали в учебный центр недалеко от Бердянска, прошли курс обучения, получили технику и вернулись в наш полк. Я получил специальность начальника радиолокационного приборного комплекса, говоря по-простому, оператора поиска. В мои обязанности входило: управляя локатором, обнаружить цель и удерживать отметку от цели на экране до тех пор, пока оператор по дальности не произведет ее захват. После этого я должен был включить гидропривод наведения пушек и по команде нажать на гашетку. Дело, я вам доложу, довольно серьезное.

Я умолчу о том, как мы полторы недели ехали пассажирским поездом, а потом пять месяцев валялись дурака в этом райском уголке под Бердянском. Там я впервые увидел море, виноградники от горизонта до горизонта, бахчи, сплошь усеянные дынями и арбузами. А какие сады... А какие девушки в приморских селах... В Благовещенске, где я вырос, кроме черемухи и ранеток, ничего и не росло.

Закончили обучение, получили новенькую, прямо с завода, технику, привезли ее в родное Троицкое – и понеслось. Стала наша жизнь отличаться от жизни танкистов только тем, что по месяцу летом и зимой мы проводили на полигоне, где стреляли по низколетящим целям. Вначале стреляли по конусу, который на километровом тресе тащил ИЛ-28, а потом по зеркальному отвороту стреляли по истребителям.

Так закончился год, прошел другой, а весной третьего года пришла сногшибательная весть: принят закон о переходе на двухгодичный срок службы. Душа пела: до чего же мне осточертела эта служба! У нашего призыва появился шанс демобилизоваться летом и начинать с нуля взрослую гражданскую жизнь.

Чтобы убить время, согласился поехать в Киргизию за призывниками. Туда добирались на самолете, а обратно, из Фрунзе, на поезде. И что интересно: «бледнолицых» призывников было около 80 процентов. Лейтенант, старший по вагону, перед отправкой новобранцев напился до чертиков. «Забери у меня пистолет, не дай Бог, потеряю», – сказал он мне, перед тем как впасть в забытие. Утром я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечи. Открыл глаза: мой лейтенант: «Я потерял пистолет!» «Успокойтесь! Вы же отдали мне его на сохранение». Ни до, ни после более счастливого человека я не видел. На седьмые сутки мы прибыли во Владивосток, сдали «молодняк» каким-то военным.

Поезд в часть отправлялся ночью, вечером пошли на сборный пункт попрощаться с нашими подопечными. Перед нами предстала толпа оборванцев. В мое время была традиция, когда вся более-менее приличная одежда и обувь перекачывалась к дембелям, а призывникам отдавалось взамен всякое тряпье: все равно не сегодня так завтра они получают солдатские робы.

Во время службы к нам несколько раз приезжали регламентные бригады с завода-изготовителя. Я со всеми перезнакомился и получил приглашение работать на заводе, который располагался в Ульяновске.

Помню, как уже в самом конце службы нас разбудил крик дневального: «Дивизион, подъем – тревога!» А мы от ребят, которые служили при штабе полка, заранее знали обо всех тревогах. Эта была так себе – инспекторская проверка. Вскочил, оделся, сунул голые ноги в сапоги и стал в строй. Наш командир доложил проверяющему полковнику что положено. Получил от него «вольно». Скомандовал нам «вольно». Подошел к полковнику, они о чем-то тихо переговорили. Повернулся к нам: «Смирно! Снять правый сапог. Правую ногу вперед. Вольно!» Снял сапог, вытянул ногу вперед. Подошел полковник: «Товарищ сержант, а если я прикажу вам пробежать три километра?» Я вытянулся, как положено: «Товарищ полковник! Можете приказать насыпать в мои сапоги песок, мне это безразлично». Полковник засмеялся: «Старик». «Так точно! – говорю. – Скоро домой». «Счастья тебе, солдат», – сказал он.

Вещуном оказался товарищ полковник: напроорочил он мне счастливую жизнь. Где-то в начале июня шестьдесят восьмого года нам, дембелям, объявили: «Как только приезжает замена, вас сразу уволят. Не волнуйтесь, ваша смена уже выехала». А учебка находилась на Украине, где конкретно, забыл. Проходит неделя, две, три, а замены нет. Мы уже начали думать, не дурачат ли нас. Протянут время и скажут: «Служите до декабря». Спасибо командиру дивизиона, выяснил, что нашу замену отправили вместо Ханко на Хасан. Командир полка отправил туда машину, и этих бедолаг привезли в нашу часть.

И вот наступил день, которого я столько ждал. В 22.00 мой поезд. Трудно понять, для чего нас в мирное время оторвали от жизни на целых три года, постоянно пугали Китаем. Я вырос на границе с Китаем. На противоположном берегу Амура, напротив Благовещенска, распола-

гался китайский город Хейхе. Большая деревня: убогие домишки, дымила одна труба, и одна автомашинка ездил по улицам, а вдоль берега сновали джонки под парусами. Особенно нас веселила их пропаганда. Где только они достали такие мощные громкоговорители! На нашем берегу было отчетливо слышно: «Русские пограничники, переходите к нам, каждый день вы будете получать две чашки риса». Я до сих пор не воспринимаю китайцев всерьез. Как могла гигантская страна длительное время позволять карликовой Японии измываться над собой?!

Вообще, многие из порядков в советской армии нельзя объяснить здравым смыслом: почему при наличии канализации уборная находилась в ста метрах в поле; чем руководствовались наши начальники, когда лишали солдат горячей воды, хотя в подвале казармы была кочегарка (всю ночь разгружаешь вагоны с углем, а утром лезешь под ледяную воду); почему не выдавался никакой материал для интимной гигиены и мы вынуждены были использовать в основном боевые листки из ленинской комнаты да письма из дома?

Если бы меня спросили, что для меня было самым трудным во время службы, то я ответил бы – не выбирать кусок хлеба побольше. Мне и сейчас стыдно в этом сознаваться. Каждое утро на завтрак нам давали по куску белого хлеба. Он был еще теплым. Какой от него исходил аромат! А когда на него намажешь пайку масла и ешь с чаем вприкуску с куском сахара – вкусотища невероятная. Ничего вкуснее в своей жизни я не ел.

Хлеборез не знал цену хлеба, он ел его, сколько влезет, намазывая на кусок сливочное масло в два пальца. Вот поэтому резал буханку не на десять равных частей, а как рука возьмет. Иногда самый большой кусок был в два раза больше самого маленького. Как трудно было заставить себя брать последний кусок!

В день моего отбытия из нашего дивизиона уезжало несколько человек. Некоторым повезло: призывались осенью, а демобилизовались летом, то есть служили около двух с половиной лет. А я отслужил, без нескольких дней, три года.

Для прощания с нами построили дивизион. Командир, подходя к каждому говорил: «Благодарю за службу». Подошел ко мне, протянул руку: «А вас особо благодарю!» Кажется, мелочь, но приятно. После этого мероприятия все офицеры ушли, предоставив нам полную свободу. Провожать нас пошла толпа сослуживцев. Я летел как на крыльях по той же щебеночной дороге, по которой угрюмо брел два с половиной года тому назад.

Наконец-то я приехал домой. С родителями за время службы я виделся один раз десять минут на железнодорожном вокзале в городе Свободном. В мое время не было принято, чтобы родители приезжали на принятие присяги или просто повидаться. Объявил отцу с мамой, что дома побуду полторы – две недели, а потом поеду в Ульяновск работать на завод, где делали технику, на которой я служил. Успокоил их, сказав, что в этом городе есть политехнический институт. Они и мысли не допускали, что я не получу высшего образования.

Родители купили мне одежду, билет на самолет – и стал я привыкать к гражданке. Как ни жалко этих трех лет, но должен честно сказать: только на третьем году службы мы стали более-менее стабильно захватывать локатором истребители, летящие на малой высоте.

Первые дни было тоскливо: отвык от всего. А когда подошла пора улетать, до того обжился, что уже и позабыл, что меня не было три года. Так все было хорошо. В душе я даже искал веские причины, чтобы никуда не ехать. Но было стыдно перед родителями, и судьба изнутри нашептывала: «Давай, давай, собирайся!» Если бы родители стали меня отговаривать: «Сынок, куда ты едешь? Оставайся», – я, может быть, и согласился. Но они молчали. И полетел я в неизведанное.

В рейсе Москва – Ульяновск сидел рядом с молодым москвичом, который закончил институт и получил направление в Ульяновск. Разговорились. «Я, – говорит, – не хочу жить в этом захолустье. Что-нибудь придумаю, чтобы от меня отказались». Очень уж он любил Москву. В аэропорту разбежались и неожиданно вновь встретились в гостинице, которая называлась «Волга».

- Ну как? – спрашивает.
- Никак. Мест нет, – ответил я.
- А я, – говорит, – устроился.
- Каким образом?
- Десятку в паспорт положил.

Как все просто! А у меня ума не хватило до этого додуматься. А в «России» – это была следующая гостиница – мне дали место в коридоре. Вечером пришел – получил раскладушку, переночевал. Утром сдал раскладушку – ушел. Нормально, что мне еще надо?

Поехал на завод, нашел отдел кадров. Спрашиваю: «Где найти товарища Зварыкина?» «Зачем он тебе?» Подробно объяснил, что, когда он был у нас в воинской части, я получил от него приглашение работать регулировщиком. «Валерий (отчество забыл) в командировке. Сдавай документы и жди допуска». Дали номер телефона: «Позванивай, глядишь, к тому времени и он вернется».

Два дня бродил по городу, купался в Волге. Конечно, Волгу не сравнить с Амуром. А тут пакость: в гостинице предупредили: «Ночуете последнюю ночь. Завтра принимаем иностранцев, не будут же они ночью шарахаться о ваши раскладушки? Должны понимать, что престиж страны превыше всего». Конечно, понимаем, спасибо, что еще эту ночь перекантуемся.

На следующий день чемодан с пожитками сдал на железнодорожный вокзал в камеру хранения, а ночевать поехал в аэропорт. Еще по прилете я обратил внимание на большие кожаные диваны в зале ожидания – прекрасное спальное место. Я сдвинул несколько диванов и отлично устроился: спал до утра как убитый. Встал, растащил диваны по местам, перекусил в буфете.

В этот день я планировал поехать в институт, сдать на вечернее отделение документы, разузнать, когда начнутся вступительные экзамены. Но пропустил сильный дождь, и я решил никуда не ехать. И началось! Мои диваны оказались под громкоговорителем. Ночью я его ни разу не слышал, а днем каждые полчаса: «Прибыл самолет из Воронежа... объявляется посадка на рейс на Москву... самолет из Волгограда задерживается». Эти города более-менее близко, но Чимкент, Ташкент, Львов – и туда летали самолеты из провинциального города.

Познакомился и с областью. В нескольких населенных пунктах летали кукурузники, и свободных мест в них практически не было. А слева от нашего аэропорта виднелись хвосты больших самолетов, и было видно, как они беспрерывно взлетали и садились. «Это что?» – спросил я у одного мужика. «ШВЛП – школа высшей летной подготовки», – прояснил он меня. «Солидно!» – присвистнул я.

На следующую ночь, от греха подальше, я устроил себе лежбище в другом конце зала. Стало туговато с деньгами, и я пристроился в одну артель грузчиком. День работаешь – вечером расчет. Платили немного, но хватало. Получив деньги, я уходил по своим делам, а артель – пить. Они меня очень ценили – каждый вечер перед уходом я получал приглашение обязательно приходиться на следующий день.

Где-то на десятый день мне сказали: «Приезжайте, допуск на вас пришел». Кадровика, с кем первоначально имел дело, я не нашел, подошел к другому. Порылся он в бумагах и говорит: «У вас допуск положительный, можете устраиваться на наш завод». «Шутник. Это у меня то может быть отрицательный допуск?» – подумал я. После первых же его слов я сразу понял, что это бывший политработник. «Нам регулировщики не нужны. Если хочешь, иди учеником токаря». Я ему объясняю, что меня пригласили на завод, что я служил на этой технике, что приехал сюда с другого конца света. Признаюсь, что, конечно, я лишнего погорячился. «Раз так, – сказал он, – пока я здесь, ты на этом заводе работать не будешь. Забирай документы и уходи». Я еле сдержался, чтобы не дать ему в морду. Но армия научила не распускать язык, а тем более руки. Сегодня обидел сослуживца, а завтра в карауле он тебя застрелит. За время моей службы нам несколько раз на плацу перед строем полка зачитывали информацию о подобных случаях. Да что там говорить, даже мой очень хороший знакомый парень из Пензы, чья кровать нахо-

дидась в десятке метрах от моей, которому оставалось служить несколько месяцев, не найдя того, кого он решил убить, отобрал автоматы у разводящего и двух караульных. «Я вас, ребята, не хочу убивать». И со всем этим арсеналом ушел в сторону китайской границы. Нашли его, долго отстреливался. Командир полка сказал: «Я людьми рисковать не буду». Подогнали танк и расстреляли его из пулемета.

Но мне делать нечего, забрал документы и ушел. Правда, каюсь: видно, бес меня попутал, в дверях повернулся и послал его матом.

Сколько потом мне попадалось писулек, в которых наш брат (солдат) изображался как придурок, описывались ужасы дедовщины и т. д. Да, было такое, но эти войска мы называли «чмо». Это стройбат, всякие хоззвонды – в армии этого добра хватало. Но там, где через день имеешь дело с боевым оружием, все это было непозволительно. А в танковых войсках дедовщины вообще не было, в экипаже «салага» – это заряжающий, да разве экипаж позволит его кому-то обидеть?!

Уже не помню, откуда узнал, что в Тольятти ведется строительство автозавода. Что ж, в Тольятти так в Тольятти! Поехал на речной вокзал, продал подешевке часы, встал в очередь на «Метеор». Протягиваю руку с деньгами в окошко кассы и боковым зрением вижу проходящего мимо человека, который приглашал меня на завод. Первая мысль была отвести от него глаза, но я не отвел. Все-таки есть в человеческом взгляде какой-то магнетизм. Подходит ко мне:

– Ты что здесь делаешь?

– Уезжаю, – говорю. – Надоело все это.

– Как? Почему?

Я ему вкратце все поведал. «Мудак!» – охарактеризовал он незнакомого мне человека. – Я же поручил ему каждый день узнавать о тебе в отделе кадров. Все, поехали. С утра встречаемся у проходной». Я не стал ломаться, изображать из себя обиженного. Это судьба. «Деньги есть?» – спрашивает. «Да так, кое-что». Дал мне денег: «Не переживай, потом отдашь. Как с ночевкой?» «Все нормально», – говорю. Я ему не сказал про мою матерщину.

На следующий день, до обеда, я был принят на завод регулировщиком по небывалому для новичка третьему разряду и уже вечером валялся на койке в общежитии. Видно, мой делопроводитель имел вес на заводе. На участке, на который я попал, из пятнадцати человек по штатному расписанию семеро были инженерами. Впрочем, так было и на других участках.

В этом же году поступил на вечернее отделение политехнического института. В одну группу со мной попала молоденькая «выбразала», которую судьба невероятным образом забросила на вечернее отделение. Через три года эта «выбразала» стала моей женой.

Я, на удивление быстро, подружился с инженерами нашего участка. Они были старше меня на шесть-десять лет, но все заканчивали дневные институты, а у меня за плечами была срочная служба.

В первый год работы на заводе было плохо с комплектовщиками, и мы с начала месяца по неделе, а то и больше сидели без работы, правда, потом до конца месяца приходилось трудиться без выходных. С утра все приходили в цех, а потом отправлялись по Ленинским местам. Это было официально, а неофициально по пивнушкам. В то время в Ульяновске было несколько мест, где торговали разливным пивом из больших деревянных бочек. Там же стояли столики и продавалась копченая, вяленая и соленая рыба. В ходу были стеклянные поллитровые кружки. Если посетителей было мало, то ты мог взять сразу две или три кружки и постепенно их выпивать, а если много, то после каждой выпитой кружки приходилось подходить к буфетчице и говорить: «Повторить». Вскоре начался ажиотаж, связанный со столетием со дня рождения Ленина, и пиво куда-то исчезло на десятилетия. Правда, можно было иногда перехватить пару-другую бутылок, но это в драку собаку.

А в холодное время мы расслаблялись в квартирах инженеров, благо, жены их были на работе. По окончании «посиделок» мы тщательно маскировали следы нашего присутствия. Надо сказать, повезло выпускникам дневных институтов. Параллельно основной очереди на жилье существовала очередь молодых специалистов, которая давала возможность получать довольно быстро благоустроенные квартиры.

Конечно, я взвалил на себя тяжелый груз: работал неделю в первую смену, неделю в третью – и так шесть лет. К шести вечера уходишь в институт, а после занятий, когда все нормальные люди ложатся спать, ты едешь на работу и крутишься, как заводной, до утра. И днем толком не спишь. Но, слава Богу, все пережил, одно слово – молодость.

А родители писали о всех делах, которые происходили в Благовещенске, и жил я мечтой о первом отпуске, который, хочешь – не хочешь, давался через одиннадцать месяцев.

Экзамены за первый курс я сдал на тройки, а по истории КПСС получил пятерку. У преподавателя я ходил в любимчиках. Еще в начале первого семестра она нас пытала: «В чем же ценность ленинской «Искры?» Ответы были всякие: «Ленин был очень умный», «Ленин лучше всех понимал теорию Маркса и Энгельса». «Да, все это правильно, но не совсем полно. Кто еще хочет высказаться?» Тут высунулся я и говорю: «Сколько людей, столько и мнений, а все должны были делать и действовать так, как написано в «Искре». «Молодец! – расцвела она. – Все правильно».

Наконец подошел отпуск, и полетел я на Дальний Восток через Куйбышев. В планах было залететь на денек в Хабаровск к армейскому другу, а оттуда перебраться в Благовещенск. Летел на самолете ТУ-104. В то время говорили, что это ненадежный самолет. Действительно, когда видишь в иллюминатор, как у него вибрирует крыло, создается впечатление, что оно сейчас отвалится.

Перед вылетом зашел в забегаловку перекусить. Стал в очередь за пожилым, в небольшом чине, офицером. И ни с того ни с чего три недоноска, сидящих за столом, стали над ним издеваться. На данный момент в этом заведении женщин не было, не считая буфетчицы, и я этим парням так миролюбиво и доброжелательно говорю: «Ребята, вы что, ё.....?» Слово за слово... «Ну подожди, ты у нас пожалеешь», – пугнули они меня. Пожалел я, что у меня нет кожаного, с бляхой, армейского ремня. Незаменимая вещь в таких ситуациях. Они ушли. Я перекусил, «экспроприровал» в этом заведении две стальные вилки (в то время вилки были такими мощными, что их можно было вместо штыка прикрепить к трехлинейке), сунул их в левый рукав пиджака и, придерживая пальцами, вышел. Вижу – стоят, ухмыляются. Двинулись ко мне. Беру одну вилку в левую руку, другую в правую и наглядно им показываю. Они завошкалились и не подошли. Я решил в вокзал не заходить, обошел его стороной и сразу направился к самолету.

Недалеко от здания вокзала стояла какая-то будка и рядом шлагбаум. Я поднырнул под него. «Ты куда?» – спросил вышедший из будки охранник. «Туда», – махнул я в сторону взлетной полосы. Больше вопросов он мне не задавал, и я пошел прямо к самолету. Думаю: «В случае чего, летчики помогут». А они в это время снизу осматривали самолет. Потолкался и я с умным видом рядом с ними. Сделал им замечание, что протектор на колесах изношен и что колеса надо менять, получил исчерпывающее разъяснение из десяти букв и продолжил осмотр.

От аэропорта змейкой потянулись пассажиры. Началась посадка. Сел на свое место и я и, только когда закрылась входная дверь, вздохнул спокойно. Страх не было – досадно было: отпуск сорвется. У меня было два пути: или в милицию, или в больницу.

День провел в Хабаровске, товарищ рассказал мне, как слаживается жите-бытье у некоторых наших сослуживцев. На следующий день на поезде я приехал в Благовещенск. Отпуск прошел на «ура». Все-таки как хорошо жить там, где ты вырос.

Все лето я постоянно думал о «выбралеле».

В первый же учебный день побежал в нашу группу, а ее нет: перевелась на дневное отделение. Где теперь ее искать? Но нечаянно на следующий день встретились у института. Я проводил ее домой, а через несколько дней у моего приятеля была свадьба. Ее родители разрешили ей пойти со мной на свадьбу, так как считали меня глубоко порядочным человеком. А я там напился вдрызг. Как она ухитрилась дотащить меня до трамвая, а потом до общежития? Я больше ее в два раза. Ночью проснулся: «Свинья, что же ты наделал?!» А она такая, что «и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет». Жалко, что все разрушилось. Я ее за год немного изучил: не будет она водиться со мной. Долго я менжевался, идти к ней или не идти. «Ладно, пойду, – решил я. – Получу по мордасам и уйду». Я ее старался убедить, что это несчастный случай, что я нечаянно перепутал водку с минеральной водой. В общем, «поверила», по крайней мере, до свадьбы и приняла.

У меня за нашу почти пятидесятилетнюю совместную жизнь еще несколько раз были подобные случаи, но, что интересно, я никогда не был виноватым. Всякий раз я находил себе оправдание: обстоятельства были выше меня.

«Выбражала»

Из инженеров особенно я подружился с Григорием, он был старше меня на восемь лет, хороший мужик, умный, но пил. Я иногда составлял ему компанию, и были случаи, когда я приходил к моей «выбражале» немного под хмельком. И нарвался. Из доброй милой девочки она превратилась в фурию. «Не смей, – кричала она, – приходи ко мне даже с запахом пива!» Топала ногами, махала руками, глаза сверкали, но меня успокаивало то, что кричала: «Не уходи совсем, а не приходи, если...» В общем, нагнала на меня страху на всю оставшуюся жизнь.

Через пару месяцев сидели мы с Григорием в «штанах» – так называлась наша забега-ловка. Хорошо поддали, и он мне говорит: «Завербуюсь радистом на Диксон, попробую там бросить пить, а на тебя перепису свою комнату». Я не придавал этому значения: по пьянке чего только не наговоришь! Какая могла быть переписка, когда в цехе очередь на жильё была порядка 270 человек, а в год давали 20—25 квартир. Многие мои товарищи жили на частных квартирах с печным отоплением и с удобствами во дворе. А он собирался переписать на меня свое жильё в доме гостиничного типа с жилой площадью восемь квадратных метров, с небольшой кухонькой и туалетом. Не знаю, как он уговорил профком отдать ее сопляку, но мне на нее дали ордер.

Так я стал квартирновладельцем. Купили мы Григорию теплую одежду, и уехал он радистом на Диксон. И вот уже 50 лет от него ни слуху ни духу.

А время шло. Женился на «выбражале», родилась дочь. Отпраздновали победу над канадскими профессионалами. Воодушевились кинофильмом «Семнадцать мгновений весны». Свозили восьмимесячную дочь на Дальний Восток на показ родителям. И многое, многое другое.

Перегородил я комнату ширмой, в одной половине спали мы с женой, а в другой дочь с котом. Правда, у Галиных родителей была трехкомнатная квартира, а она была их единственным ребенком. Родители ее любили, а меня терпели. Лично я был согласен постоянно жить у тещи, но молодой жене все время хотелось самостоятельности. Назревала жилищная проблема.

В нашем городе, чтобы получить отдельную, по составу семьи, квартиру, необходимо было отработать пятнадцать – семнадцать лет. Правда, исключения были. Я был знаком с парнями чуть постарше меня: сыном начальника Главульяновскстроя, зятем районного прокурора, племянником заместителя директора завода, так они смолodu имели благоустроенные квартиры. У зятя прокурора я бывал в квартире, так у него был проведен даже телефон. Вот именно даже! Простые смертные стояли в очереди на установку аппарата кто двадцать лет, кто тридцать, а большинству и жизни не хватало. В нашем цехе высший разряд регулировщика был пятый, а у зятя прокурора – персональный шестой. А вообще он был хороший, компанейский, хваткий мужик. Царствие ему Небесное!

Наконец пошли наши «Шилки» за рубеж, к друзьям в Европу и союзникам в Северную Африку. И поехали мои друзья-товарищи за границу. Доложу я вам – выгодное дело. Два-три месяца в Египте или Ливии – и если не «Волга», то «Москвич» обязательно. Критерий отбора был такой: инженер, член партии и «вась-вась» с начальством. Я тоже старался попасть под эту установку: шустрил в комсомоле, подмазывался к партии, получил высший рабочий разряд, министерское звание «Лучший по профессии», чтл начальство. Получил заверение, что по окончании института буду немедленно переведен инженером.

Заметно прибавил мне энтузиазма один случай. Однажды раньше срока из командировки к арабам вернулся один из моих товарищей. Уехал он от них вроде бы со скандалом: американцы установили на «Фантом» оборудование, которое при обнаружении самолета локатором «Шилки» немедленно пускало по лучу локатора ракету, если не ошибаюсь, «Шрайк». Арабы об этом узнали, и, как только начинался боевой налет, все экипажи талдычили по рации:

«Не вижу цели. Не вижу цели». Потом разобрались: они выключали высокое напряжение. В сердцах, что эти «вояки» дискредитируют нашу технику, наш человек сел на место оператора поиска – и сбил «Фантом». Как я уже говорил, оттуда его убрали с треском, а здесь наградили орденом. «Дела... – думал я. – Сугубо гражданский человек сбил самолет, а я, профессионал в этом деле, поеду, собью парочку „Фантомов“ и, вместо ордена, попрошу дать мне квартиру». Шучу. Была мысль купить на заработанные деньги кооперативную квартиру. Но душа протестовала против этого варианта: «Ты хочешь купить квартиру, а другие получают бесплатно!»

По большому счету, вся дальнейшая жизнь убедила меня в том, что у нас в стране считается чуть ли не дурным тоном покушать то, что можно взять бесплатно на работе.

А время шло. В начале лета семьдесят четвертого года я должен был защитить дипломный проект и в мыслях уже готовился к заграникомандировке. Но моя излишняя самонадеянность и наивность сыграли со мной злую шутку: окончательную регулировку «Шилок» для передачи ее военным мы делали на заводском полигоне, который располагался в десяти километрах от города. После окончания ночной смены мы не сразу уезжали домой, а ждали прибытия первой смены. Это всех очень возмущало. На профсоюзном собрании в декабре 1973 года я сдуру вышел на трибуну и раскритиковал за это начальника цеха. Я ожидал, что меня массово поддержат, но никто не подал голос, все промолчали. И все – стена: начальник цеха в упор не видит, профсоюз и партком тоже игнорируют. «А что ты хочешь? – сказали мне. – Профсоюзник – это его свояк, а парторг – друган». Даже сослуживцы, если рядом были прихлебатели начальника, воротили глаза в сторону. А как по-другому: на кону стояла заграничная командировка.

Один Миша Куперман, вне зависимости от обстоятельств, был по-прежнему доброжелательно настроен ко мне. Мне кажется, он даже этим бравировал.

Закончил институт, а о переводе на инженерную должность уже никто и не заикался. Все мои планы рухнули, полная «непрохонжа». Продолжал по инерции работать. И снова произошло событие, определившее мою дальнейшую жизнь.

В мае тысяча девятьсот семьдесят пятого года в соседнем цехе был организован участок по изготовлению опытного образца зенитно-ракетного комплекса. Это был шанс. Глядишь, там и квартиру дадут. Написал я заявление на имя начальника того цеха, куда я хотел перейти, получил положительную визу, а получить «добро» от нашего начальника – не вопрос. Но здесь его снимают, новым начальником становится один из наших начальников участков. Через полтора десятка лет он станет директором завода. Подходит ко мне: «Извини, Костя, что так получилось. Переводим тебя инженером, и если хочешь, то отправим вместе с семьей на два года в ГДР». Но здесь меня заклинило. «Спасибо, Толя. Но у меня другие планы», – сказал я.

Целый месяц я оформлял перевод: то нет одной подписи, то другой, то кто-то против. В общем, мура. Наконец все оформил и получил допуск в новый цех.

На площадях этого цеха глухим четырехметровым металлическим забором выгородили приличную территорию, и стали мы изучать техническую документацию на это изделие. Перезнакомился со всеми. Нас оказалось несколько человек с жилищными проблемами, довольно часто мы обсуждали наши перспективы.

Однажды один инженер, сын начальника Главульяновскстроя, под большим секретом поведал мне, что принято решение строить в Ульяновске Авиационно-промышленный комплекс, который заткнет за пояс «Боинг» и «Аэрбас», вместе взятые. Так и сказал – «вместе взятые». Стройка вот-вот должна начаться, и первым строителям в течение двух лет обещают дать квартиры. Загорелся я этой идеей и поставил перед собой задачу попасть в первые ряды строителей. Пошел к начальнику цеха, объяснил ему ситуацию:

– Согласен безвылазно работать на стройке, на сельхозработах – в общем, хоть где, но я должен уволиться в один день, – сказал я ему.

Понятливый оказался мужик.

– Хорошо, – сказал он.

Спасибо ему – не подвел. В середине июня послали меня в колхоз на сенокос. Название колхоза забыл, а деревня называлась Суходол. У председателя этого колхоза была фамилия редкой красоты – Краличкин. Обратил я внимание на большую груду трубчатых металлических конструкций.

– Что это? – спросил я одного мужика. – А, голландские станки для свиноматок.

Подошел к председателю колхоза.

– Давай я их соберу.

– А сможешь?

– Попробую, – говорю.

Договорились мы с ним о цене работы. Выделили мне телегу, лошадь, показали, как ее запрягать. И стал я подвозить на телеге железки к свинарнику и собирать в нем станки. Закончился срок моей командировки, поехал на завод.

– Согласен отработать еще один срок, – обрадовал я начальство.

– Молодец! – похвалили меня. – Давай продолжай.

Рядом со свинарником бригада армян строила коровник. Если я работал без выходных от рассвета до заката, то они не особо переутруждались. И каждое воскресенье всей компанией ездили в город, в ресторан, – расслабляться.

– Зачем связался с шабашниками? – спросил я председателя. – Что, не мог по округе своих мужиков найти?

– Нельзя, – говорит. – Только армянам разрешается так работать.

– Ну а государственные строительные организации? – пытал я его.

– Да ну их, – отмахнулся он.

Закончил я все дела, сдал председателю работу. Он поднял с пола обрывок газеты, оторвал кусочек и начертал: «Маша! Отдай ему пятьсот рублей». Поблагодарил я председателя, и навсегда мы расстались. Получил в колхозной кассе деньги, и вечером с дядей Сережей мы это дело отметили. Дядя Сережа был механизатором широкого профиля в колхозе, и я у него квартировался. Встал рано утром, чтобы успеть на утренний автобус.

– Вставай, дядя Сережа, – начал теребить я его. – Сейчас парторг примчится.

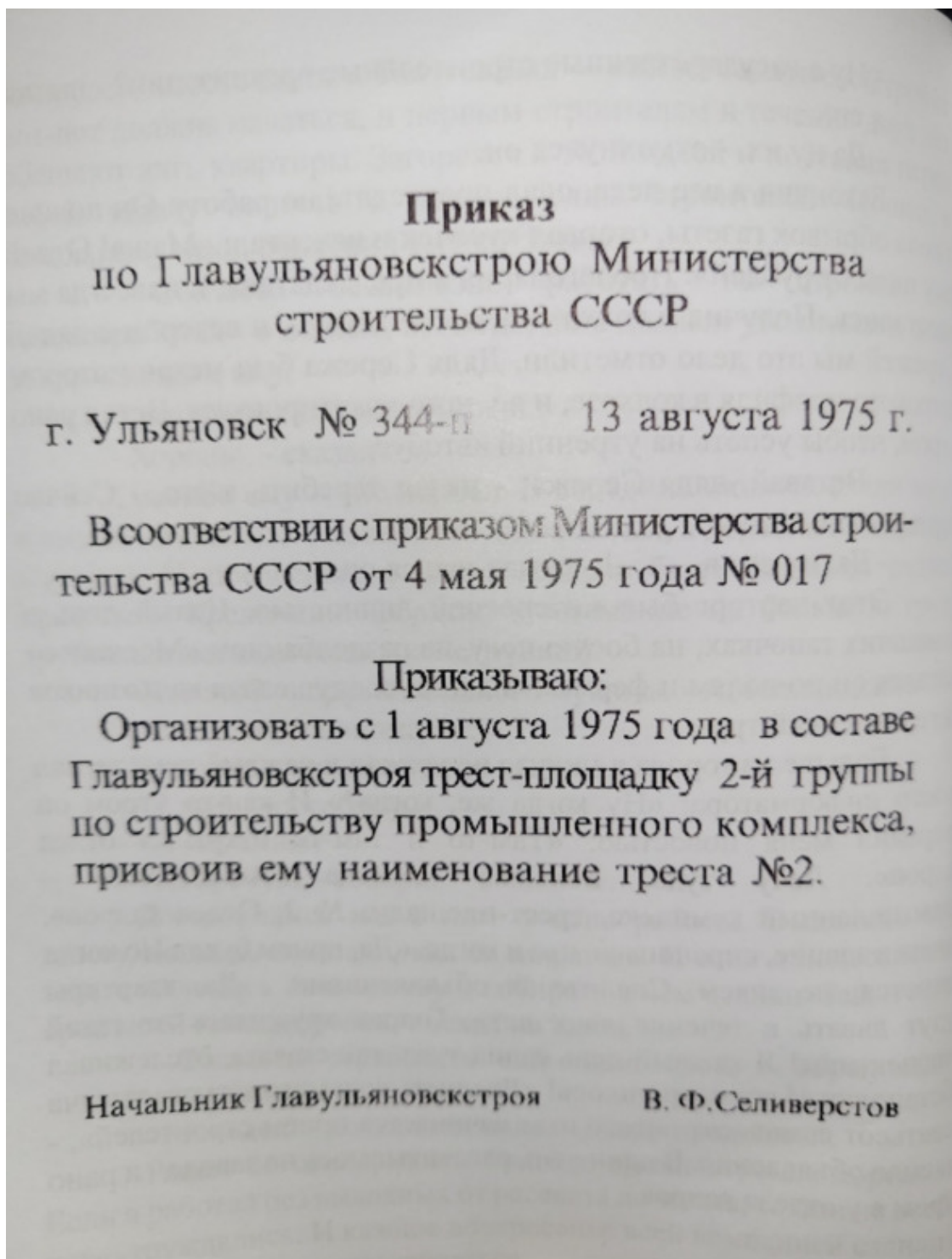
– Да, ну его в! – отмахивался он.

Этот парторг был интересной личностью. Целый день в домашних тапочках, на босую ногу, на раздолбанном «Москвиче» мотался он по полям и фермам колхоза, воодушевляя колхозников на героический труд.

Больше из города я никуда не уезжал и каждый день терзал своего информатора: «Ну когда же, когда?» И как-то утром он опередил меня новостью: «Там-то и там-то открылся отдел кадров». Лечу туда. Большая вывеска «Авиационно – промышленный комплекс, трест-площадка №2, Отдел кадров». Зашел в здание, спрашиваю, что и когда. «Да, прием будет. Но когда начнется, не знаем. Следите за объявлениями... Да, квартиры будут давать в течение двух лет». Голова кружилась от такой перспективы! Я каждый день ездил туда, так сказать, отслеживал обстановку. И вот свершилось! «Двадцать восьмого августа тысяча девятьсот семьдесят пятого года начинается прием строителей», – гласило объявление. В один день рассчитываюсь на заводе – и рано утром я у отдела кадров.

Уже через полчаса там собралась приличная толпа соискателей, среди которых были токарь, железнодорожник, учитель труда, электромонтер и т. д. Ходили слухи, что отбор будет очень строгий, будут выяснять всю подноготную. Парень, который толкался рядом со мной, сильно нервничал. «Я же не виноват, что у меня брат сидит в тюрьме, я же не отвечаю за него», – исповедовался он мне. «Конечно, не отвечаешь!» – успокаивал я. Потом мы оказались с ним в одной учебной группе. Звали его Яша Альтман. Рано он умер – Царствие ему небесное.

У меня тоже была проблема: военно-учетный стол моментально вписал мне в военный билет строку о получении высшего образования. Я опасался, что с таким «компроматом» меня не примут на ставку рабочего: какой из радиоконструктора строитель! Не знаю, откуда у меня появились повадки фокусника, но я крутил военный билет перед кадровичкой и так и этак, вырывал его из ее рук, объяснял ей, что я закончил службу сержантом, что в армии мне приходилось часто заниматься строительством. На ее лице можно было прочесть: «За что мне выпало работать с такими придурками!»

Так всё начиналось...

К счастью, «компрометирующую» меня запись она не заметила. «Пойдешь учиться на каменщика», – вынесла она свой вердикт. Вот так-то: в двадцать девять лет – ученик каменщика. «Большущее вам спасибо», – искренне поблагодарил я ее. Первый шаг к квартире был сделан.

В учебном комбинате Главка нас немного теоретически и практически подучили, присвоили низшие разряды каменщиков и ввиду того, что в тресте не было достаточного объема работ, раскидали набираться ума по всему Главку.

Ну, доложу вам, специальность аховая. Ладно, летом под солнцем плохо, но терпимо. А зимой на морозе, да еще с ветром, – это убийство. Особенно тяжело было новичкам. В обязанности опытного каменщика входило выложить наружный участок стены и завести угол. А наш брат должен был подать ему кирпич и раствор, выложить внутренний участок стены, сделать забутовку стены, расшить швы и многое другое. Многие, кто застревал на такой работе, к пятидесяти годам становились инвалидами. Основная проблема – спина. После работы я приходил домой никакой. Ужинал, плюхался в кресло, а ночью перебирался на кровать. Влип я в авантюру. Я бы, может быть, все бросил и ушел на завод, но было стыдно: уходил-то я с завода почти что «героем».

Кто-то скажет: «Но ведь были же какие-то ограничения на работу в связи с погодными условиями». Были. Пожалуйста, не работай, но весь рабочий день сиди в прокуренной бытовке и получай тридцать семь с половиной процентов от тарифа. Это порядка двух рублей. А как кормить семью? Поэтому в мою бытность, когда я был каменщиком, не было дня, чтобы мы не работали.

С лета семьдесят шестого года нас постепенно стали собирать в трест. И решил я перейти в бетонщики. Работать стало еще тяжелее, но хотя бы на земле, а не на стене. Пока не был построен свой завод, бетон везли издалека, и он до того уплотнялся, что, когда самосвал поднимал кузов, бетон из него не вываливался. Приходилось до посинения, стоя на раме автомобиля, стучать кувалдой по днищу кузова, чтобы бетон наконец скатился в бадью. Стучишь и думаешь: «Не дай Бог, если откажет гидравлика и кузов камнем пойдет вниз!» Потом бетон надо было раскидать лопатами внутри опалубки и уплотнить вибраторами. Так и хлюпали в резиновых сапогах по бетонной жиже целый день.

Мало-помалу втянулся в эту жизнь. По крайней мере, физически меня она уже не тяготила. Назначили меня бригадиром плотников-бетонщиков. В строительном бардаке специализированные бригады сильно зависят от смежников и поставщиков материалов. Убедил я начальника управления на основе моей бригады создать комплексную бригаду. Взял несколько человек каменщиков, несколько монтажников железобетонных конструкций и трех электросварщиков, и стали мы строить объекты с нуля: устройство фундаментов, монтаж железобетонных и стальных конструкций, кирпичная кладка. Дела пошли гораздо лучше. И значительно возросли заработки. К нам стали приезжать корреспонденты, о нас стали писать газеты. В честь шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции я был признан победителем социалистического соревнования и награжден знаком «Победитель социалистического соревнования» в 1977 году. Уже через много-много лет эта «висюлька» дала мне право стать Ветераном труда государственного значения. Вот бестолковщина! Можно было всю жизнь долго и тяжело проработать, но, не имея какого-нибудь значка, не стать Ветераном труда. А можно было всю жизнь протирать штаны в какой-нибудь конторе, но иметь значок типа «Пятьдесят лет военному флоту», – и получить звание Ветеран труда.

Прошло больше двух лет, а квартира нам не давали. «Ничего, – утешал я себя, – у нас все делается с опозданием». Мы с женой постарались и родили еще одного ребенка, на этот раз мальчика. Если при двух однополых детях за трехкомнатную квартиру приходилось вести войну, то при разнополых трехкомнатная квартира давалась однозначно.

Окончание моей эпопеи было так близко! Получаю по ордеру квартиру и ухожу на завод – на «Шилку». Благо, мои товарищи уже поехали и в Южную Америку. «Мечты, мечты, где ваша сладость», – так что ли говорится?

В начале каждого года в здании треста вывешивалась обновленная очередь на жилье. В январе тысяча девятьсот семьдесят восьмого года в очереди мы увидели несколько десятков новых фамилий перед нашими. «Что это такое?» – разъяренные, прибежали мы в стройком. «Это члены Коммунистической партии, которые призваны усилить нашу партийную организацию. И к тому же они передовики производства», – объяснили нам. «Почему же эти передовики до сих пор не имеют квартир?» – допытывались мы. «А вы хотите работать в нашем тресте?» – не отвечая на вопрос, спросили нас. «Конечно, хотим!» «Ну и работайте на здоровье», – вежливо «послали» нас. Теперь уже и самым тупым стало понятно: нас здорово надули.

Но надо признать, что через пару месяцев стали массово давать малосемейки. Для справки: малосемейка – это квартира в квартире, в которой в каждую комнату, включая и проходные, заселялась отдельная семья. В апреле получил как бы под малосемейку отдельную двухкомнатную квартиру и я. Соответственно, без ордера, с временной пропиской, то есть пока работаешь – живешь. «Я тебе ее выбил за хорошую работу бригады», – сказал мне начальник управления. Конечно, это было не то, на что я рассчитывал, но хоть что-то.

Через несколько дней я принес жене ключи, и она сразу заговорила о переезде. После рождения второго ребенка мы переехали жить к ее родителям. Я попытался ей втолковать, что живем в трехкомнатной квартире у любящих ее родителей, что у нас маленькие дети. Я считал, что нам надо повременить с переездом хотя бы до лета. «Нет, нет и еще раз нет! – отрезала жена. – Немедленно переезжаем!»

Как любят женщины нашему брату создавать проблемы! Переехали. Поехал я искать по магазинам стиральную машину. Купил полуавтоматическую. Три режима: стирка, слив, отжим. Таймер пятнадцать минут – час. Называлась она «Эврика», изготовитель – Московский Прожекторный завод. Двадцать три года она отработала, потом простояла шестнадцать лет в гараже, а сейчас обстирывает нас на даче.

Понемногу обжились. От нового места жительства мне стало гораздо ближе добираться до работы. Все складывалось хорошо, но было немного досадно: оказывается, в это же время стал набираться персонал на еще не существующий завод, партторгом на который был назначен бывший комсомольский вожак предприятия, где работал мой тесть, а они были в очень хороших отношениях.

Тесть мой был замечательный человек, но у него была расстрельная должность. Он возглавлял цех по изготовлению нестандартизированного оборудования, и кто, кроме него, мог сделать печь в баню, бак из нержавеющей стали, какую-нибудь хитроумную лестницу? Опасность работы заключалась в том, что к нему с просьбами постоянно обращалось начальство, которому, как известно, отказать невозможно. В задачи тестя входил еще и вывоз сделанного заказа за пределы завода. И произошло то, что когда-нибудь должно было произойти. Кто-то из своих его заложил – и попал он под ОБХСС. Я думаю, что нервотрепка, которую он тогда пережил, и явилась одной из причин его ранней смерти. Ладно, хоть я не приставал к нему со своими просьбами.

Дальнейшая жизнь показала, что заводчане получали квартиры гораздо быстрее, чем строители. Но я ни о чем не жалею, кто знает, что было бы со мной, если бы я пошел другой дорогой? Судьба! Нас хотя и обманули, но мы сами приняли решение остаться. Так и продолжали шустро работать. А как по-другому, если хочешь побольше приносить в семью? Одним словом, сдельщина: сколько сделал, столько и получил.

Меня бесит, когда я слышу разглагольствования о причинах малой продолжительности жизни русских мужчин. Тяжелая физическая работа в экстремальных погодных условиях – вот главная причина. При нашем климате не то что работать зимой – жить иногда невыносимо.

И то, что наши предки не смогли добиться более благоприятного места для проживания, наводит на некоторые размышления...

Изредка выпивали, но только после работы. При бригадном методе труда пить во время работы было непозволительно. Логика простая: ты пьешь, а я за тебя должен вкалывать? Деньги ведь делились из общего котла. Мало того, по пьяни можно было не только себя угробить, но и других.

Прочитавший мои причитания подумает – беспросвет. Однако неправда – светлого было много, в частности, общепит, проще говоря, – столовая. Мы очень сытно и вкусно ели. За полчаса до обеда отправляли двух заготовщиков в столовую. К приходу бригады на столах стоял обед: овощной салат, мясные щи или суп, на второе гарнир с куском мяса, бифштекс или гуляш, компот, граненый стакан сметаны и что-нибудь кондитерское – на любителя. Я всегда брал большую ромовую бабу. Платил я за все это изобилие около рубля.

Мне приводилось питаться в разных столовых: заводских, деревенских, городских, даже в обкоме партии, – и по моим наблюдениям около восьмидесяти процентов мужчин на обед брали стакан сметаны, а порядка тридцати процентов женщин брали по сто граммов. Не знаю, почему они так скромничали?! Кроме того, всегда в изобилии были молоко и кефир.

Я думаю, что для нашего климата сытно и калорийно питаться – первое дело. Мы и были очень сильным народом: наши парни в хоккее объезжали финнов на одной левой.

А я мучился в раздумье: что делать дальше? До получения квартиры с ордером продолжать работать бригадиром или попытаться перейти на инженерную должность? Перехожу в инженеры – значительно теряю в деньгах, продолжаю работать рабочим – как бы это не аукнулось в будущем.

Как всегда, жизнь все расставила по местам: с годами я стал ощущать какой-то надлом в своем здоровье, все-таки шесть лет вечернего института и три года стройки не прошли для меня даром. Хотя надо признать: мне стала нравиться работа бригадира. У меня была задумка постепенно расширять круг выполняемых бригадой работ: начать делать кровельные работы, отделочные, электрику, сантехнику. В общем, с нуля под ключ. Заманчиво было, но все-таки я принял решение уйти. Царствие вам Небесное, мои друзья – товарищи, с кем свела меня судьба на стройке века. Многих из вас давно уже нет в живых.

Мы были первыми. 1976 год. Сентябрь. Трест №2, СМУ-53. Бригадиры.

Подал я челобитную на начальника управления: имею высшее техническое образование и прошу изыскать возможность использовать меня на инженерной должности. Он принял эту новость без восторга: типа, инженеров и так пруд пруди – и ты туда же. Дошло до управляющего трестом. Грех не вспомнить о нем.

Весной семьдесят седьмого года снимают человека, который стоял у истоков создания треста, и назначают нового. Ему еще не было сорока лет. Матрос, комсомольский вожак районного масштаба, штангист, крепкий, красивый, уверенный в себе мужик, холостяк. До этого возглавлял управление механизации нашего Главка.

Максимов Вячеслав Викторович

Участники войны были в восторге от него – так он о них заботился. Буквально в первые же дни работы он собрал всех бригадиров треста для знакомства. Сам говорил и нам раз-

решал говорить. Пару-тройку раз высовывался и я. «Ну ты даешь, – сказал он. – Тоже мне, конспиратор. Но ты попал в кон. Я создаю участок по монтажу оборудования, которое хранится на базе производственно-технологической комплектации, тебя назначаю начальником участка. Под штатное расписание набирай людей, бери любого, кто нужен тебе». Вот так решился мой вопрос. В то время у начальника участка оклад был двести двадцать рублей. Конечно, значительно меньше, чем я получал бригадиром. Но что делать?

Вооруженный руководящими указаниями, я отправился на эту базу. Она представляла из себя несколько гектаров огороженной территории, на которой были проложены железнодорожные пути. Стоял башенный кран. Меня сопровождал начальник производственного отдела этого управления. Прошли мы по базе – и я был ошарашен увиденным. Вся территория была завалена ящиками и контейнерами разного размера, лежали груды металлических конструкций, горы алюминиевых профилей и многое другое. Мой экскурсовод просвещал меня: «Вот это, – показал он на гору металла, – три козловых крана: пять, десять и двадцать тонн. Вот это – кондуктор для монтажа колонн ноль—четвертой серии, вот это – оборудование компрессорной, вот это – оборудование для клещевой точечной сварки». И т. д. и т. п. Полный бардак! Все ящики были вскрыты, из некоторых вообще все вывернуто. Получил я какое-то представление об этой базе. Наш управляющий был такой человек, который на каждую проблему, озвученную ему, говорил: «Давай свои предложения». Детально разобрался я с положением дел на базе. Определился с последовательностью работ, которые собирался выполнить. Картина была удручающая. Все, что представляло какую-то ценность, из ящиков было украдено. Приготовился я к серьезному разговору. Пришел к управляющему: «Предлагаю сделать то-то, то-то, для этого многого не хватает, но оно имеется в таких-то организациях. Разрешите подготовить мне в их адрес письма от Вашего имени на предмет приобретения необходимых материалов». Управляющий рассмеялся: «Жизни ты не знаешь. Никто ничего тебе не даст. Так же, как и я, ничего никому не даю. Это фонды, наряды. Знаешь, какая за них идет война? Сегодня что-то отдал, а завтра это тебе втрое припомнят. Ищи другие пути».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.